

Friedrich Naumann
STIFTUNG FÜR DIE FREIHEIT

РОО ЛИБЕРАЛЬНАЯ МИССИЯ

Бизнес и Мысль

Karl-Heinz PAQUÉ

DIE BILANZ

EINE WIRTSCHAFTLICHE ANALYSE
DER DEUTSCHEN EINHEIT

HANSER

Карл-Хайнц ПАКЕ

БАЛАНС

ЭКОНОМИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ
ПРОЕКТА «НЕМЕЦКОЕ ЕДИНСТВО»

·МЫСЛЬ·
Москва

УДК 338(430)
ББК 65.9(4Гем)
П13

Friedrich Naumann
STIFTUNG FÜR DIE FREIHEIT

Книга издана при поддержке
Фонда Фридриха Науманна за свободу (Германия)

РОО ЛИБЕРАЛЬНАЯ МИССИЯ

Бизнес и Мысль

Перевод с немецкого: Игорь Шматов

Паке, Карл-Хайнц

П13 **Баланс : экономический анализ проекта «Немецкое единство» / К.-Х. Паке ; пер. с нем. И. П. Шматова. — Москва : Мысль, 2018. — 327 с.**

ISBN 978-5-244-01193-7

Автор анализирует промежуточные итоги проекта объединения Запада и Востока Германии, уделяя основное внимание его экономической стороне. Многие разочарованы достигнутыми результатами, а на Востоке страны зреет чувство обиды. Бюджетные средства продолжают перетекать с Запада на Восток, а люди продолжают переезжать с Востока на Запад, и до сих пор экономика Востока заметно отстает от экономики Запада. Действительно ли в программе возрождения Востока страны были совершены ужасные ошибки?

Автор пишет, что достигнутое не должно разочаровывать, просто поставленная задача оказалась экстремально сложной, а ожидания начала 1990-х годов — завышенными. Сорок лет социализма и изоляции от мирового рынка оставили глубокие следы в структуре экономики и для восстановления инновационного потенциала требуется время.

УДК 338(430)
ББК 65.9(4Гем)

ISBN 978-5-244-01193-7

© Мысль, 2018

СОДЕРЖАНИЕ

Предисловие к русскому изданию	6
Предисловие	8
1. ТЯЖЕЛОЕ НАСЛЕДИЕ	11
1.1. Великое заблуждение	11
1.2. Притягательная сила Запада	26
1.3. Национальная задача	30
2. БЫСТРЫЙ СТАРТ	35
2.1. Валютный союз	35
2.2. Попечительский приватизационный совет	54
2.3. Вопросы собственности	82
3. УСКОРЕННОЕ РАЗВИТИЕ	99
3.1. Стимулирование экономики	99
3.2. Строительный бум и внутренний рынок	111
3.3. Социальное государство начинает действовать	122
4. НОВОЕ НАЧАЛО В ПРОМЫШЛЕННОСТИ	135
4.1. Рыночная экономика без мотора	135
4.2. Заводы без профсоюзов	156
4.3. Региональные полюсы роста	176
5. СКОЛЬКО СТОИТ ПРОЕКТ «НЕМЕЦКОЕ ЕДИНСТВО»?	197
5.1. Возрождение Востока: издержки и достижения	197
5.2. Тотальный ущерб, нанесенный социализмом	224
5.3. Задачи на будущее	248
Благодарности	275
Комментарии	277
Глоссарий	301
Статистические справочники	309
Литература	310
Указатель	317

ПРЕДИСЛОВИЕ К РУССКОМУ ИЗДАНИЮ

Немецкое издание этой книги было опубликовано в 2009 году, то есть девять лет тому назад. Для русского читателя я не изменил в нем ни слова — по следующим трем причинам. Во-первых, я в принципе не считаю правильным, когда задним числом корректируют однажды сказанное. Одна из заповедей честности гласит: раз сказанное уже само по себе стало реальностью, и так это должно остаться. Во-вторых, настоящая книга в первую очередь является, и на это намекает ее название, балансом экономической части немецкого воссоединения и последовавшего за ним «возрождения Востока», то есть уже давно завершившегося процесса. Так что добавить к этому больше нечего. Наконец, в-третьих, в моей оценке событий того времени действительно изменилось совсем немного.

Но если спросить, к чему относится это «совсем немного», то ответ будет: Берлин. Читатель книги обратит внимание на то, что я придаю важное значение динамике крупных городских агломераций как фактору восстановления экономической мощи, причем повсеместно, в том числе, в Средней и Восточной Германии. Этой теме посвящен целый раздел книги. Он озаглавлен «Региональные полюсы роста». В нем в параграфе 4.3 я сожалею об относительно слабом экономическом развитии воссоединенного Берлина после 1990 года, сравнивая его не совсем лицеприятным образом с более ранней динамикой «Большого Мюнхена», благодаря которой в течение нескольких десятилетий после Второй мировой войны произошел экономический взлет когда-то аграрной Баварии. Посвященная Берлину небольшая текстовая врезка в параграфе 4.3 даже была любовно-иронически озаглавлена мною «Радующие взгляд фасады, безрадостная экономика».

За прошедшие годы ситуация радикально изменилась. Это можно также показать статистически, что я и сделал спустя некоторое время, — впервые в одной из публикаций 2013 года¹. Вот уже на протяжении нескольких лет Берлин переживает экономический бум. Среди всех федеральных земель город-государство Берлин демонстрирует наибольшие темпы роста — прежде всего за счет того самого плодотворного взаимодействия науки и культуры предпринимательства, результатами

¹ См.: Karl-Heinz Paqué, *Gewachsen, aber gefährdet. Eine wirtschaftliche Zwischenbilanz der Deutschen Einheit für Mitteldeutschland und Thüringen*, anno 2013. Thüringer Memos, Ausgabe 02. Erfurt 2013.

которого можно восхищаться в Калифорнии и Массачусетсе, и, к сожалению, лишь в очень немногих районах в Германии. Берлин действительно стал главным немецким городом не только в политическом отношении, но и как центр экономических стартапов, преимущественно в сфере информационных технологий. В этом заключается огромный шанс Востока Германии постепенно сравняться по уровню жизни с Западом страны — на основе новых инициатив и творческих достижений. Как бы то ни было, Берлин с большим отрывом является самым крупным восточногерманским городом; с запада и с юга он окружен небольшими городскими агломерациями, традиционно тесно связанными с Берлином экономически: Магдебург, Галле-на-Заале, Лейпциг и Дрезден расположены в радиусе от 150 до 200 километров от федеральной столицы. Эти города, в свою очередь, являются небольшими сцепленными между собой полюсами роста, благотворное влияние на развитие которых оказывают примыкающие к ним сельские территории.

Стремительный взлет Берлина — это на самом деле новый фактор. Он вселяет оптимизм на то, что некоторые задачи, которые еще предстоит решить, возможно, удастся решить даже лучше и легче, чем я ожидал в далеком 2009 году. Однако для этого необходимы две предпосылки: во-первых, Берлин должен постараться превратить первоначально возникшую сильную динамику в устойчивую экспансию. К сожалению, берлинское земельное правительство в этом отношении сильно не дорабатывает. Бросая взгляд на новый центральный берлинский аэропорт, все еще не введенный в эксплуатацию, так и хочется с некоторой долей цинизма воскликнуть: «Берлин в политике делает все, чтобы помешать своему росту, но это ему не удастся». Или все-таки удастся? Если городское управление будет и впредь оставаться столь же провинциальным, что и до сих пор, то тогда возможно все, в том числе возврат в старые недобрые времена. Во-вторых, мир в целом, разумеется, не стоит на месте: другие регионы в Германии, Европе и не только составляют Средней и Восточной Германии жесткую конкуренцию, когда речь идет о борьбе за размещение новых производственных мощностей. И это в условиях увеличивающейся нехватки квалифицированной рабочей силы и возрастающего значения такого фактора, как инновационная среда, которая на Востоке пока еще в среднем отстает в своем развитии.

Другими словами, существуют серьезные вызовы, будущее не предопределено. Тем не менее многого уже удалось добиться, хотя, вероятно, меньше того, на что надеялись иные наблюдатели в 1990 году, охваченные оптимистической эйфорией, но, возможно, даже больше того, на что можно было рассчитывать с позиции скептического реализма.

Магдебург, март 2018 г.

Карл-Хайнц Паке

ПРЕДИСЛОВИЕ

VII*

Темой этой книги является большой национальный проект «Немецкое единство». При этом основное внимание уделено его экономической стороне, так называемому возрождению Востока страны. Именно по этому вопросу расходятся мнения, именно он вызывает наибольшие споры, когда речь заходит о том, чтобы оценить достигнутое.

Спустя два десятилетия после падения Берлинской стены во многих местах в Германии о возрождении Востока все еще продолжают говорить с чувством нескрываемой обиды и разочарования. Ведь таким его никто себе не представлял. До сих пор бюджетные средства продолжают перетекать с Запада на Восток, до сих пор люди продолжают переезжать с Востока на Запад, и до сих пор экономика Востока продолжает плестись в хвосте у экономики Запада. Вот лишь некоторые из тех резких сравнений, которые отражают всю глубину настроений тяжелой безысходности, сформировавшихся за последние годы: проект «Немецкое единство» как немыслимая катастрофа, Восточная Германия как «немецкая» Южная Италия, только что без мафии, как черная дыра, поглощающая государственные дотации, как «кладбище» миллиардных вложений. Общий вывод: мы, немцы, видимо, совершили ужасные ошибки, возрождая Восток страны, иначе бы всего этого не случилось.

Эта книга приходит к другим выводам: достигнутое не должно разочаровывать, просто поставленная задача оказалась экстремально сложной. Она заключалась в том, чтобы удержать большую часть шестнадцатимиллионного населения Восточной Германии от того, чтобы отправиться на поиски счастья к своим ближайшим соседям в благополучные западные земли. Политика должна была предотвратить массовую миграцию, сформулировав быстро реализуемые и убедительные цели, которые вселили бы в людей надежду на лучшее будущее, не возводя при этом новых стен, отгораживающих их от только что обретенной свободы. Возможно, это была одна из наиболее трудных и дорогостоящих задач, когда-либо поставленных судьбой, тем более в эпоху глобализации. И с этой задачей немцы в основном справились.

VIII

Правда, достигнутые результаты следует признать успешными только частично, особенно если соизмерять их с чрезмерными ожиданиями начала 1990-х годов. Данное обстоятельство, однако, связано

* На полях под чертой указано начало страницы по немецкому оригиналу. См. указатель.

не с болезненными просчетами в политике, а с общеэкономическим ущербом, которым обернулась изоляция Восточной Германии, как и других стран Центральной Европы, на протяжении четырех десятилетий от мирового рынка. Размер этого ущерба недооценен и сегодня. Его определение является одной из целей настоящей книги. Прежде всего речь при этом идет о разрушении промышленного инновационного потенциала. Его восстановление еще долгое время будет оставаться важной политической задачей — в Германии и в Европе в целом.

В политическом отношении предлагаемая книга направлена против новой легенды «об ударе ножом в спину». Ее суть: политикам в свое время нужно было всего лишь сделать все по-другому и лучше, и тогда сегодня мы имели бы сильную восточногерманскую экономику, и все проблемы немецкого единства уже давно были бы успешно решены. Легенда получила широкое распространение — как в буржуазных, так и в социалистических кругах, хотя аргументы в ее обоснование приводятся совершенно разные. В настоящей книге предпринята попытка разоблачить этот миф, рассмотрев его непредвзято, но и не избегая при этом провоцирующей прямоты собственных суждений.

Чтение экономической литературы может оказаться утомительным занятием: в ней слишком много абстрактных выводов и цифр и слишком мало конкретных персонажей и людских судеб. Имея это в виду, автор считал себя обязанным сделать все возможное, чтобы изложение вопросов «немецкого единства» и «возрождения Востока» не заставляло читателя скучать. Пять глав, из которых состоит книга, являются, на что я, во всяком случае, надеюсь, не сухим трактатом, а живой историей, хотя и рассказанной не историком, а экономистом. Научные пояснения отосланы мною в примечания в самом конце книги, если только они не имеют принципиального значения для понимания или интерпретации описываемых событий.

Изложение дополнено 15 текстовыми врезками, четко выделяющимися на фоне основного текста. Это одинаковые по объему двухстраничные материалы, в которых представлены отдельные предприятия и экономические отрасли, города и коммуны или просто специальные темы. На конкретных примерах они наглядно показывают успехи и шансы, а также трудности в процессе возрождения Востока Германии. Врезки распределены по всей книге. По своему содержанию это независимые от основного текста сюжеты, хотя и связанные с ним тематически.

Все врезки имеют свой индивидуальный характер — как языковой, так и содержательный. Каждая из них написана на основе личного опыта и собственных наблюдений автора. По этой же причине все они имеют одну географическую «привязку» — это земля Саксония-Анхальт, где я живу и работаю с 1996 г. и которую я хорошо узнал, не в послед-

ною очередь за время моего участия в ее земельной политике с 2002 по 2008 г. В этой федеральной земле можно увидеть хороший срез всех тех проблем, причем в ярко выраженном виде, которые характерны для Восточной Германии в целом. То, что Северный Рейн-Вестфалия означает для Запада страны, Саксония-Анхальт означает для ее Востока. Поэтому она и в экономическом отношении являет собой особенно сложный случай. Тем самым Саксония-Анхальт выступает как своего рода показательный регион: в ней сполна представлены практически все вызовы, с которыми Восток Германии столкнулся в 1990 г. и с которыми он все еще продолжает сталкиваться.

Магдебург, июль 2009 г.

Карл-Хайнц Паке

1. ТЯЖЕЛОЕ НАСЛЕДИЕ

1.1. Великое заблуждение

9 ноября 1989 г. рухнула Берлинская стена — событие, ознаменовавшее наступление быстрого конца раздела немецкой нации. Он просуществовал еще всего лишь несколько месяцев: экономически до учреждения экономического и валютного союза 1 июля 1990 г., политически — до немецкого объединения 3 октября того же года. Раздел продолжался четыре десятилетия, почти три из которых — после возведения Берлинской стены в 1961 г. — в условиях почти полной изоляции экономики ГДР от ориентированной на рынок Западной Германии.

Объединение страны вызвало к жизни горячие споры о том, какова же была производительность восточногерманской экономики по сравнению с западногерманской. Наука предоставила в этих целях свои подготовленные самым добросовестным образом оценочные данные, причем сопроводив их назидательными инструкциями по использованию. Эти последние, как обычно бывает, были проигнорированы. В результате вскоре повсеместно в качестве показателя уровня экономического развития стали использовать сравнительные данные производительности труда на Востоке и Западе страны. Согласно большинству этих данных соотношение производительности труда составляло от одного к трем до одного к двум. То есть это означало, что один восточногерманский рабочий производит в час примерно одну треть экономической стоимости, созданной его западногерманским коллегой¹. Или половину. Примерно так звучал диагноз в год объединения. Это был наиважнейший разрыв между Востоком и Западом, который следовало преодолеть в первую очередь.

Представленные цифры в то время широко обсуждались в политических и общественных кругах, однако без их более основательного анализа. Они оказывали какое-то

² удивительное психологическое воздействие, порождая, как часто бывает, когда речь идет о простых для понимания цифрах, своего рода иллюзию скорой реализуемости поставленных задач. Само слово «разрыв» сразу же ассоциировалось с неким точно измеряемым отставанием Востока от Запада, преодоление которого зависело только от того, насколько решительными будут принимаемые в этих целях меры. Вот все, что только и нужно для «немецкого единства». Говорили: да, отставание велико и стоящая задача, тем самым, весьма сложна, ведь, как бы там ни было, предстоит утроить или удвоить восточногерманскую производительность труда. Однако с помощью новейшей техники, на основе улучшенной профессиональной подготовки, добросовестного труда и высокой мотивации, которая есть у всех, ее как-нибудь удастся решить. Во всяком случае, в течение нескольких лет.

Так думали люди. И это было великое заблуждение, которое стало причиной горьких иллюзий. Вопрос о том, можно ли было их избежать, остается открытым. Вероятно, что нет. В наши дни политики и общественность жадно требуют показать им цифры. И если бы наука отказалась это сделать, такие цифры они получили бы из других рук, что имело бы еще худшие последствия. Хотя в случае с «немецким единством» эти последствия были и без того хуже некуда: миллионы восточногерманских рабочих и служащих спустя всего лишь несколько лет после объединения были вынуждены констатировать, что мир живет по совершенно другим законам, чем это казалось в 1990 г. Иллюзия быстрой реализуемости проекта скоро развеялась, посеяв настроения безысходности, которые и сегодня чувствуются среди части населения Востока страны.

Вернемся, однако, к исходной ситуации. Если и не один к трем или один к двум, то каково же в действительности было отставание производительности экономики Востока от экономики Запада в 1990 г.? Честный ответ таков: мы этого не знаем. Более того: мы даже не можем этого знать. Почему? Потому что четыре десятилетия существования Германии как разделенной нации привели к таким изменениям, результаты которых нельзя представить в виде измеряемых статистических величин.

Чтобы понять это по прошествии времени, следует взять в руки своего рода экономическую подзорную трубу и понаблюдать с помощью замедленной покадровой киносъемки за развитием Западной и Восточной Германии задолго до и после раздела страны на две части. При этом сначала нам придется отправиться в достаточно отдаленное прошлое, во вторую половину 20-х годов прошлого столетия, в так называемые «золотые двадцатые» Веймарской республики, когда у руля ее внешней политики стоял Густав Штресеман. Это был тот последний отрезок истории рейха, когда его Запад, будущая Федеративная республика, и его Восток, под которым мы здесь понимаем будущую ГДР, еще существовали в системе нормальных рыночных экономических отношений как две части одного единого национального экономического пространства.

Что мы видим через нашу подзорную трубу? Мы видим на Западе и на Востоке две части экономики, которые теснейшим образом связаны между собой. Это две части страны, сходные по своему экономическому потенциалу и по уровню жизни населения. На территории обеих находятся сильно развитые индустриальные районы, промышленные центры которых успешно участвуют в международной конкурентной борьбе, такие, как, например, Рейнско-Рурский и Рейнско-Майнский регионы на Западе и саксонско-среднегерманское экономическое пространство на Востоке. В обеих частях имеются также сельскохозяйственные районы с гораздо более скромными экономическими достижениями, в частности Восточная Фрисландия, Айфель и южная Бавария на Западе и Альтмарк, Мекленбург и Лаузиц на Востоке. В среднем Запад слегка опережает Восток, точнее сказать, Северо-Запад, т.е. прежде всего это территория современного Северного Рейн-Вестфалия, поскольку экономика значительной части Юго-Запада и Баварии имеет преимущественно аграрную направленность. Однако в целом разница экономических потенциалов и в уровне жизни невелика. Важно также то, что эта разница является результатом исторического развития экономических структур в условиях рыночного хозяйства. Она имеет такой же характер, как и сегодняшние различия между Германией и Австрией. Или между Гессеном

и Рейнланд-Пфальцем. Это совершенно нормальная ситуация, которая не вызывает никакого беспокойства. Она, если хотите, имеет «естественный» характер.

4 Естественное различие между восточной и западной частями Германии переживет потрясения 1930-х и 1940-х годов. Мировой экономический кризис с его драматическим обвалом производства, годы нацизма с его командными методами управления экономикой и курсом на милитаризацию, Вторая мировая война с ее колоссальными разрушениями, все эти события хотя и меняли немецкую экономику, однако в целом сохраняли исторически сложившиеся различия между Западом и Востоком страны. К началу раздела Германии на исходе 1940-х годов Запад и Восток все еще находятся в прежнем положении. И там и тут оно отчаянное, прежде всего вследствие послевоенной разрухи и огромных человеческих потерь.

Затем, однако, их пути расходятся, причем самым радикальным образом. Запад страны возвращается в капиталистический мир рыночной экономики, каковой она была в последний раз в Германии в 1920-е годы. Его экономика ориентируется на сигналы рынка, в первую очередь на стандарты качества и цены, существующие на национальных, европейских и мировых рынках. Так она развивается с этапа восстановления в ранние 1950-е годы вплоть до воссоединения в 1990 г., т.е. в течение чуть больше четырех десятилетий. В историческом сравнении этот временной интервал во всем мире был периодом особенно значительных перемен за счет быстрого экономического роста, который сопровождался стремительным техническим прогрессом и широкой либерализацией и глобализацией рынков. Столь глубокой структурной перестройки не было много десятилетий. В последний раз нечто подобное происходило в период длительной мирной паузы в развитии страны, начиная с основания рейха в 1871 г. и до начала Первой мировой войны.

Достаточно просмотреть фотографии или киноленты второй половины 1980-х годов, чтобы убедиться, с какой захватывающей дыханием скоростью происходили изменения в западном мире продуктов. В действительности эти изменения, естественно, были значительно глубже по своему харак-

теру, чем могло показаться на первый взгляд. Практически каждое предприятие, подгоняемое рыночной конкуренцией и техническим прогрессом, пытается сделать свою продукцию хотя бы на немного лучше, чем у конкурентов. Так происходит ускорение процесса появления на свет технических инноваций и создания «товарных марок», которые открывают новые рынки или по крайней мере рыночные ниши, одновременно расширяя старые. Возникает широчайший спектр товаров и услуг различного качества и различных по ценам.

И как бы походя, на предприятиях и в компаниях одновременно зарождается нечто совершенно иного рода, а именно: новое знание. Объемы этого нового знания огромны, его не преподают ни в одной школе или институте. Это знание рынка в самом широком смысле слова. Речь идет о технических, логистических, торговых и юридических производственных секретах, сведениях о путях распространения и каналах сбыта, т.е. обо всем том, что позволяет каждому предприятию успешно удерживать свои рыночные позиции от их захвата конкурентами. Конкуренция приходит из самой Западной Германии или из (западного) зарубежья, что в принципе не имеет значения. Разумеется, конкуренты также учатся друг у друга. В рыночной экономике только очень немногие специальные знания возможно утаить на долгое время. Однако когда спустя годы или десятилетия эти знания, являвшиеся ранее производственной тайной, становятся общедоступными, оказывается, что в мире уже возникли новые специальные знания, которые хотя бы на время помогают избавиться их владельцу от конкуренции.

Таким был экономический мир западных немцев на протяжении четырех десятилетий существования разделенной Германии. В те же годы в Восточной Германии он выглядит совершенно иначе. В нем господствует плановое хозяйство. Цены устанавливаются не на рынке, а в ходе бюрократических процедур — почти без учета спроса и предложения. Значительная часть экономики принадлежит государству, прежде всего промышленные предприятия. Конкуренция между предприятиями практически отсутствует. Внешняя торговля в более или менее значимых объемах поддерживает только с восточноевропейскими плановыми экономиками.

Она строго регламентирована, и ее структура определяется политическими соображениями. О каких-либо тенденциях к либерализации и глобализации не может быть и речи.

6 Сегодня никто всерьез не оспаривает тот факт, что это социалистическое плановое хозяйство было абсолютно неэффективным. Без конкуренции между частными компаниями и без рыночного ценообразования оно не имело ориентиров для того, чтобы экономически правильно использовать капитал и рабочую силу. В экономике одновременно господствовали дефицит и расточительство. Ненужные товары в ненужных количествах производились там, где их не следовало производить. Это блуждание государственной бюрократии в колоссальном удалении от правильного курса было горькой и жестокой реальностью для граждан страны на протяжении целых 40 лет. В ретроспективе оно производит скорее впечатление гротеска, будучи сегодня источником анекдотов из прошлого, которые люди в Восточной Германии охотно рассказывают друг другу на летних посиделках у домашнего гриля.

Прекратить эти блуждания в 1990 г. не составило большого труда. Для этого потребовалось только отпустить цены и ввести стабильную, пользующуюся доверием валюту. Что и случилось 1 июля 1990 г. с созданием экономического и валютного союза, по своим непосредственным последствиям очень похожим на экономическую и валютную реформу в Западной Германии в июне 1948 г. В результате о дефиците и расточительстве почти уже больше не вспоминали.

Тем самым был дан стартовый сигнал к началу так называемой трансформации восточногерманской экономики. Что же должно было произойти дальше? Экономисты и политики в то время были едины если и не в деталях, то в главном. Было необходимо создать все те элементы, из которых складывается нормально работающая рыночная экономика в высокоразвитой промышленной стране. То есть в первую очередь это частная собственность на предприятия и компании, современная правовая система и надежное государственное управление, хорошо развитая сеть наземного, водного и воздушного транспорта, всеохватывающая система телекоммуникационных связей, финансовые услуги, предостав-

ляемые сберегательными кассами, банками и страховыми обществами в любом уголке страны. И наконец, повсеместно капитально отремонтированные города и общины, в которых должны быть созданы комфортные условия проживания для населения и вся необходимая инфраструктура для развития производства. Помимо этого требовалось осуществить все те меропрятия и учредить все те институты, которые призваны обеспечить передачу знаний и профессиональных навыков, необходимых для решения задач в рамках рыночной экономики, т.е. школы, специализированные центры профессиональной подготовки и университеты.

Полагали, что эти основы рыночной экономики позволят ликвидировать отставание Востока от Запада страны. Такое мнение выглядело вполне логично, поскольку высококвалифицированные люди могли бы работать в частных компаниях на сверхсовременном оборудовании и со сверхсовременными средствами телекоммуникации, работать прилежно и мотивированно. При этом произведенные товары и услуги они могли бы, пользуясь самыми современными видами транспорта, поставлять в любые страны мира. Чем бы в этом случае Восток отличался от Запада? Отставание от Запада в уровне экономического развития было бы быстро сведено до минимума, от соотношения одного к трем или одного к двум до одного к одному или по крайней мере до того небольшого естественного отставания, которое существовало еще в кайзеровское время и в период между обеими мировыми войнами.

Примерно таким был диагноз. Из него исходил тогдашний канцлер Гельмут Коль, когда говорил о процветающих землях, — выражение, которое впоследствии многократно цитировали. Не называя точных временных параметров, он и многие другие верили, что возрождение Востока займет не более нескольких лет. Почему бы и нет? Ведь речь шла о всеобъемлющей программе модернизации, реализовать которую было необходимо и возможно одним мощным силовым рывком. В том же духе трактовали сложившуюся ситуацию в своем большинстве и те, кто был настроен более скептически, чем канцлер. Хотя они и полагали, что решение проблемы потребует более длительного времени и обойдется дороже,

чем утверждал канцлер «немецкого единства» в политически мотивированной эйфории своих выступлений. Но и они рассматривали возрождение Востока прежде всего как комплексную модернизацию машинного оборудования, людей и страны в целом.

И это было глубокое заблуждение. Хотя и вполне понятное. Ведь в Германии двадцатого столетия уже были проведены две валютные реформы, при этом обе оказались успешными. Автором первой из них в 1923 г. был рейхсканцлер Густав Штресеман; вторая реформа прошла в 1948 г. в оккупированной Западной Германии под руководством союзнических властей и Людвига Эрхарда, будущего федерального министра экономики, которому удалось провести в жизнь программу всесторонней либерализации цен. Эта вторая экономическая и валютная реформа 1948 г. послужила прообразом реформы 1990 г. При этом многие недооценивали коренное различие между Западной Германией 1948 г. и Восточной Германией 1990 г.

В чем же состояло это различие? Прежде всего в том, что к 1948 г. за плечами западногерманской экономики были уже 15 лет существования в условиях нацистского господства, как в мирное, так и в военное время, в течение которых проводилась национал-социалистическая политика автаркии и принудительной милитаризации. При этом, однако, только в 1936 г. был введен контроль над ценами, а огосударствление средств производства никогда за весь этот период не носило сколь-либо значимого характера. То есть как бы жесток и антигуманен ни был тоталитарный нацистский режим, он почти не нанес ущерба существовавшей системе капитализма и рыночного хозяйства. К этому следует добавить, что и ущерб от изоляции от мировой экономики также не был особенно велик, поскольку 15 лет с 1933 по 1948 г. и в остальных промышленно развитых странах мира никак нельзя назвать периодом либерализации и быстрого экономического роста. Отгораживание от мирового рынка, навязанное национал-социализмом, не имело поэтому столь тяжелых последствий по сравнению со всеобъемлющей изоляцией в результате утверждения системы плановой экономики социализма.

Короче говоря, несмотря на разрушения военных лет в 1948 г., можно было относительно просто восстановить преимущество западногерманской экономики с ее предшественницей со всеми ее сильными сторонами. В Восточной Германии образца 1990 г. после 40 лет планового хозяйства ситуация была совершенно иной. Наряду с отставанием в вопросах модернизации имелась одна значительно более принципиальная проблема — отсутствие продукции, которая могла бы выдержать международную конкуренцию. Возможно, именно это и было наиболее роковое последствие изоляции от мировых рынков. Последствие, от которого невозможно избавиться автоматически за счет модернизации производственного оборудования и развития человеческого потенциала с учетом требований модернизации страны в целом.

Восточная Германия, как и вся Центральная и Восточная Европа, начиная с 1990 г. действительно столкнулась с исторически совершенно новой проблемой. Социалистическое экономическое пространство состояло из более или менее промышленно развитых стран, по крайней мере в его частях, расположенных ближе к Западной Европе, лидерами которых были ГДР и тогдашняя Чехословакия. Соответствующим был и уровень технических знаний. Он был высоким, позволяя в послевоенное время экономике развиваться даже в условиях изоляции. В рамках директивного планового хозяйства это развитие хотя и было катастрофически неэффективным, тем не менее сопровождалось на основе новых знаний определенным техническим прогрессом, активно поддерживаемым и управляемым государством, результаты которого реализовывались в новых продуктах. И на Востоке страны создавались новые автомобили, новая химическая продукция, новое производственное оборудование, новые электротехнические приборы и даже компьютеры и изделия микроэлектроники. Все эти изделия и здесь были разными по цене и качеству, хотя эти различия и не были столь заметны, как на Западе.

То есть на Западе и на Востоке возник удивительный параллельный мир продуктов. Западный немец, оказавшись в ГДР, мог увидеть его невооруженным глазом, хотя бы

сравнив обстановку частных квартир. Она была в целом значительно скромнее, чем у граждан на Западе, тем не менее в основном состояла из всех тех типичных предметов, которые можно было в то время ожидаемо увидеть в любой промышленно развитой стране: автомашина, телевизор, холодильник и т.д. Однако чем дальше продолжалась изоляция от мирового рынка, тем более удивительные особенности обнаруживались при такого рода сравнениях. Так, если взять пример из автомобилестроительной отрасли, автомашина «Вартбург» из Айзенаха и автомобиль марки *DKW* из Ингольштадта в 1950-е годы имели гораздо больше общего, чем «Трабант» из Цвиккау и «Поло» из Вольфсбурга три десятилетия спустя. Очевидно, в вопросах производственного дизайна, функциональности и технического оснащения Запад и Восток все больше отдалялись друг от друга, что все больше ограничивало возможности для сравнения производимых изделий.

¹⁰ Уже в 1980-е годы по этой причине на Востоке и Западе существовали два полностью отделенные друг от друга мира продуктов — один, изолированный от открытого мирового рынка, и другой, как одна из его составных частей. При этом между обоими мирами отсутствовали сколь-либо пригодные рыночные критерии сравнимости производимых в них стоимостей, — слишком сильно к тому времени они удалились друг от друга. История не знает другого примера столь очевидных различий между двумя большими соседними экономическими пространствами, между двумя, вне всякого сомнения, «промышленными странами», принадлежащими к одной и той же западноевропейской цивилизации, товары и услуги которых служили одним и тем же целям. Причем только потому, что на протяжении чуть более четырех десятилетий они существовали обособленно друг от друга.

Вот в чем причина того, почему на вопрос о сравнимости экономических потенциалов Востока и Запада в 1990 г. было столь сложно дать определенный ответ. При этом оценка этого соотношения как один к трем (или один к двум), которая предлагалась наукой, полностью вводила в заблуждения. Поскольку тот, кто рассуждает об экономическом потенциале и о производительности, обязан знать, что представляют собой произведенные товары и услуги по стоимости, ориен-

тируясь при этом на свободный рынок, а случае сомнения — на мировой рынок. По этой причине нельзя разумно объяснить, почему производительность труда рабочего на заводе в Цвиккау, где собирают автомобиль «Трабант», составляет одну треть (или половину) производительности труда его коллеги на заводе Фольксваген в Вольфсбурге. Поскольку для такого сравнения нет никаких общих критериев, в частности такого, как цена на «Трабант» на мировом рынке. Это же относится и к сравнимости производительности труда рабочего на заводе искусственных пластмасс и синтетического каучука в Шкопау с производительностью труда его коллеги на заводе БАСФ в Людвигсхафене. В ГДР, да и в других социалистических странах Центральной и Восточной Европы накануне перехода к рыночной экономике в 1990 г. почти не было отраслей промышленности, которые составляли бы исключение из этого правила.

То есть вопрос о соотношении экономической производительности Востока и Запада страны в 1990 г. не имел ответа. Собственно говоря, такой ответ и не требовался. Поскольку существовало практически общее мнение о том, что восточногерманский ассортимент промышленных изделий в рамках новой системы рыночных отношений и без того подлежал радикальному пересмотру. Поэтому было не столь важно, какова была реальная «рыночная стоимость» этих продуктов в тот момент времени. Все предполагали, что она чрезвычайно мала для того, чтобы обеспечивать необходимую себестоимость производства. В этих условиях вопрос об исчислении отставания производительности труда рабочей силы на Востоке от Запада носил скорее чисто академический характер. Речь шла о том, чтобы дать ответы на следующие правильные практические вопросы: каким образом следует начать радикальное обновление производственного ассортимента? Как обеспечить успешное выполнение этой задачи? Сколько времени на это потребуется? Кто может решить эту проблему? Какие меры политической поддержки следует в этой связи предпринять?

Эти правильные вопросы, если бы они были поставлены своевременно, могли бы наглядно показать: исходное положение экстремально сложное, почти отчаянное. Почему?

Потому что дело идет о разработке и изготовлении на восточногерманских предприятиях новых продуктов, которые могли бы пользоваться длительным и стабильным или даже растущим спросом на немецком, европейском и мировом рынках. И решать эту задачу нужно было в мире, экономическое единство которого за четыре десятилетия под воздействием либерализации и глобализации резко возросло, однако без участия в этих процессах Восточной Германии. То есть в ситуации, в которой наиболее эффективные компании за многие годы сумели укрепить свои позиции и свой авторитет на мировых рынках, накопив за это время обширные и чрезвычайно многообразные знания о рынке. В этом мире предприятиям в Восточной Германии предстояло отыскать свое место под солнцем, причем в условиях уже давно идущего процесса глобализации, когда лучшие места на рынке уже распределены, а новые места пока еще не просматриваются. Поистине геркулесова задача.

К сожалению, все эти вопросы тогда были поставлены не совсем так, как мы их только что сформулировали. Поэтому в общественной дискуссии возрождение Востока страны отождествлялось с всеобъемлющей модернизацией технологического оборудования, человеческого потенциала и всей восточной части страны. Необходимость искать идеи новых продуктов и знания для их продвижения на мировом рынке в политических дебатах оставалась на заднем плане. И это при том, что в ряде промышленных отраслей эту проблему уже больше нельзя было не замечать.

Например, в автомобилестроительной промышленности. Все знали, что на заводах ГДР, производящих автомашины марки «Вартбург» в Айзенахе и «Трабант» в Цвикау, есть хорошо подготовленные кадры специалистов. За счет повышения их квалификации и переподготовки они могли бы быстро приобрести недостающие им новейшие технические знания. Также там можно было бы установить новое технологическое оборудование и построить новые производственные цеха. При этом открытым все еще оставался главный вопрос: что следует там производить? Модернизированные версии старых моделей, разработка которых, по всей вероятности, потребовала бы многие годы? Новый «Вартбург»

или новый «Трабант»? Существовал ли вообще сколь-либо серьезный спрос на них на мировом рынке, уже достаточно насыщенном разнообразными моделями? И кто должен был провести и профинансировать рискованные исследования и разработки в связи с созданием таких новых моделей? Или, возможно, было бы лучше оставить старые стандарты на будущее для производства совершенно других моделей и сделать ставку на инвестиции на Востоке западногерманских и зарубежных автомобильных концернов?

Мы знаем: в конкретных случаях был выбран именно этот путь. Опель и Фольксваген создали в Айзенахе и Цвикау новые современные производственные мощности для своих уже существующих модельных рядов. Это были в высшей степени впечатляющие по своим объемам инвестиции при участии государства, которые спасли важные автомобилестроительные производства и часть рабочих мест, хотя и с огромными издержками для налогоплательщиков. В общественных кругах такие меры справедливо получили высокую оценку как очень успешные. При этом, однако, обращает на себя внимание, что почти никто не говорил об альтернативах. Специалисты, очевидно, с самого начала придерживались мнения, что продолжение производства старых моделей из ГДР в модернизированной версии не заслуживает обсуждения. Однако именно этот пример наглядно показывает, насколько трудно было найти место под солнцем мирового рынка для собственных восточногерманских изделий.

Удивительно, что немцам на Востоке и на Западе понадобились годы, чтобы осознать этот факт. Почему-то все верили в немецкий особый путь. Верили в то, что с помощью западного мира Восток страны как-нибудь завоюет свое место в мировой экономике, причем минуя длительные периоды развития. При этом первые примеры крупных инвестиций Опеля и Фольксвагена, казалось, только подтверждают это мнение, хотя они, скорее, свидетельствовали об обратном. Ведь в этих случаях речь шла о разовом импорте рыночных знаний, которые на Западе накапливались в течение десятилетий. Полностью открытым оставался вопрос о том, насколько этот импорт был возможен применительно ко всей восточной части Германии. А там,

где он был невозможен, перспективы на первых порах были не радужными.

Вера в особый немецкий путь была также одной из причин недостаточного внимания, которое немецкая политика 1990-х годов уделяла экономическому развитию в Центральной и Восточной Европе. Распространенным было убеждение в том, что в Германии все пойдет совершенно по-другому, т.е. благодаря невероятно быстрым темпам модернизации более решительно и энергично. При этом игнорировалась большая схожесть наших главных вызовов с вызовами в соседних странах Центральной и Восточной Европы. Ведь и там, как, например, в соседней Чехии, речь шла о поисках промышленного региона с богатыми традициями своей будущей ниши в мировой глобальной экономике на основе новых технологий и продуктов. И там речь шла о месте под солнцем после четырех десятилетий изоляции.

Таково было исходное состояние промышленности — как в Восточной Германии, так и в Центральной и Восточной Европе. Имеет смысл в этом месте сделать небольшую паузу и задуматься над вопросом об ответственности за это исходное состояние и в политическом, и в моральном отношении, поскольку в последующих главах настоящей книги мы будем говорить главным образом об экономической стороне немецкого единства. А при этом легко можно упустить из виду вопрос о том, кто же несет ответственность за сложившееся исходное положение. Эта была огромная ответственность, и не справились с ней прежде всего и главным образом система планового хозяйства и ее руководители, т.е. социалистический менеджмент в широком политическом и экономическом значении этого слова. Именно этот менеджмент препятствовал доверившимся ему людям использовать свои таланты и способности, свои знания и квалификацию для того, чтобы разрабатывать и производить промышленные продукты, которые на открытом мировом рынке они могли бы продавать по ценам, сравнимым с ценами на западные изделия. Рабочие и служащие в Айзенахе и Цвиккау с большим желанием разработали и собрали бы автомобиль, который покупатели на мировом рынке рассматривали как хорошую альтернативу «Фольксвагену» или «Рено». Но им никогда

не была предоставлена такая возможность, так как социалистический менеджмент сделал ставку на долготлетнее отгораживание от мирового рынка и тем самым в корне подавлял любые инновационные инициативы. С экономической точки зрения стоимость всей номенклатуры продукции в ГДР носила искусственный характер и могла существовать только под вакуумным колпаком социалистического разделения труда. В тот самый момент, когда этот колпак был снят, выявился истинный масштаб обесценивания производимых изделий.

Удивительно то, что со всей прямотой об этой ответственности социалистического менеджмента за последние два десятилетия говорилось чрезвычайно редко. Даже в ходе воссоединения в 1989—1990 гг. Ведь было совершенно несложно просто поставить вопрос о том, какова цена всех тех изделий, составляющих социалистический мир продуктов, на свободном мировом рынке, а затем на этой основе рассчитать единицу стоимости, производимую рабочим и служащим за один час своего рабочего времени на соответствующем предприятии. Результаты были бы самые удручающие. Но они сразу же позволили бы увидеть суть экономической проблемы. При существовавшей номенклатуре продукции и располагаемом капитале для ее производства размер заработной платы мог быть только таким, каким он и был реально в Центральной и Восточной Европе (но не в Восточной Германии) на протяжении многих лет, составляя, возможно, одну десятую заработной платы на Западе, в лучшем случае — одну четвертую. Вот основная причина экономической беспроизводительности, ответственность за которую должен нести реально существовавший социализм.

В 1989—1990 гг. об ответственности за неудовлетворительное состояние экономики на самом деле говорилось немало. Однако, как ни странно, в политических дискуссиях на первом плане оказались главным образом вопросы неплатежеспособности государства и экономики, а не состояния номенклатуры продукции с точки зрения мирового рынка. В памяти до сих пор живы воспоминания о том, с каким замешательством депутаты Народной палаты ГДР восприняли заявление о практическом банкротстве их государства. Потрясение было столь велико, что у некоторых из них

на глаза навернулись слезы. Все они винили в этом социалистический режим. С возмущением восприняла это сообщение общественность на Западе и на Востоке. И для этого у нее были все основания. Тем не менее ответственность за банкротство государства несоизмерима со значительно большей виной, которую можно сформулировать так: это социалистическое государство вынуждало людей производить товары, которые на мировом рынке никто не хотел покупать — кроме как по ценам, которые не позволяли обеспечить уровень жизни, достойный граждан промышленно развитой страны. Разумеется, в конечном счете и государственное банкротство явилось косвенным следствием экономической слабости, а эта слабость, в свою очередь, была следствием того, что производимые товары на рынке пользовались очень ограниченным спросом. Однако почти никто не осознавал этих взаимосвязей. В результате очень быстро возникли и получили широкое распространение мифы и теории заговоров, которые давали свой ответ на вопрос о виновных в разразившемся кризисе экономики.

Вернемся, однако, от политической ответственности назад к экономическим реальностям тех дней. В 1989—1990 гг. они не намного отличались от реальностей в Центральной и Восточной Европе. И здесь и там было необходимо открыть

16

двери в совершенно чужой мир разделения труда в мировой экономике. И здесь и там исходное положение было тяжелым, экстремально тяжелым. Но было и одно различие, причем огромное. Оно заключалось в характере побудительных мотивов людей к действию — как в политике, так и в экономике. О них мы теперь и будем говорить. Они дают ключ к объяснению того, почему Восточной Германии был предначертан совершенно иной и еще более трудный путь, чем для других стран Центральной и Восточной Европы.

1.2. Притягательная сила Запада

Падение Берлинской стены 9 ноября 1989 г. явилось великопленной победой свободы. Она имела далеко идущие последствия — и политические, и гуманитарные, но прежде всего экономические. Внезапно для восточных немцев открылась

возможность не только свободно посещать западную часть страны, но и работать там и получать за это деньги. Почти все граждане ГДР стали немецкими гражданами в соответствии с федеральным немецким Основным законом и обрели тем самым такое основное право, как право на свободу передвижения по территории Германии. С самого начала существовала единая точка зрения, что это основное право не может быть ограничено. Создание новой стены — в любой форме в целях ограничения права на свободу передвижения — было неприемлемо с политической и гуманитарной точек зрения. И это было справедливо.

Именно здесь мы находим ту глубинную причину, по которой возрождение Востока страны неизбежно должно было пойти иным путем, чем экономическое развитие в Центральной и Восточной Европе. Очевидно, что между Восточной и Западной Германией не существовало и не существует естественных труднопреодолимых препятствий, которые мешали бы людям свободно перемещаться из одной части страны в другую. Языковые барьеры отсутствуют: все говорят по-немецки, хотя и на различных диалектах. Географические расстояния невелики: на территории бывшей ГДР немного мест, которые были бы удалены от Западной Германии или от тогдашнего Западного Берлина более чем на 200 километров. Что касается культуры и населения, то между обеими частями страны в этом отношении существуют достаточно сильные связи, по крайней мере между соседними регионами по обе стороны бывшей внутригерманской границы — между жителями Тюрингии и Гессена, Мекленбурга и Гольштейна, Бранденбурга и Берлина, Саксонии и Северной Баварии. Этих примеров будет достаточно.

То есть практически не было никаких естественных барьеров, которые могли бы помешать людям отправиться на поиски своего счастья где-либо в другом месте. Почти каждый восточный немец, если это позволяли ему личные обстоятельства, теперь сравнивал свои перспективы на рынке труда на Западе и на Востоке, прежде всего имея в виду шансы на получение постоянной работы, а также возможность хорошего заработка. Эта ситуация имеет столь много аспектов, что ее даже трудно описать конкретно. Представим себе, например,

молодого человека, родившегося в промежутке между 1950 и 1970 г. в Дрездене, Эрфурте или Магдебурге, там выросшего, получившего профессию и проработавшего там же до 1990 г. Этот молодой человек строит планы на будущее. За прошедшие годы он кое-чему научился, и он охотно остался бы в родном городе и продолжил там свою трудовую деятельность, тем более что в этом городе у него жена или возлюбленная, которая, заметим, также думает о своей дальнейшей судьбе. Чтобы остаться в родном городе, он даже готов согласиться на более низкооплачиваемую работу, чем на Западе страны, а на короткое время даже на очень низкооплачиваемую. В среднесрочной и долгосрочной перспективе эта разница, однако, должна быть не слишком большой, иначе он просто соберет свои вещи и уедет из города.

Что же конкретно подразумевается под выражением «должна быть не слишком большой»? Какова может быть максимально приемлемая разница между уровнями заработной платы на Востоке и на Западе, при которой наш молодой человек останется дома и не уедет на Запад страны? Этого мы не знаем, и спекулировать на эту тему можно до бесконечности. Поскольку каждый работник, разумеется, имеет собственное представление о том, когда и при каких конкретных условиях для него будет смысл упаковать чемодан и переехать на Запад. Тем не менее опыт показывает, что едва ли возможно удержать нашего молодого человека (его подругу) от такого решения, если он в течение длительного времени будет получать на Востоке заработную плату, составляющую одну десятую или одну пятую или даже одну треть зарплаты на Западе. Но сохранение именно такого разрыва в уровнях заработной платы между Западом и Востоком, причем в течение длительного времени, было бы запрограммировано, если бы Восточная Германия пошла по пути Центральной и Восточной Европы. Там до сих пор размер заработной платы, получаемой за сравнимую работу, почти нигде не превышает одной трети немецкого уровня. И это спустя два десятилетия после падения железного занавеса!

Не вызывает сомнения, что такая заработная плата быстро привела бы к массовому оттоку населения из Восточной Германии. Такая перспектива побудила бы почти всю

квалифицированную рабочую силу переехать из восточной части страны в западную, при том что благодаря свободе передвижения влияние факторов, сдерживающих мобильность населения, было сведено до минимума. Именно по этой причине с самого начала было ясно, что сохранить существующие и создать новые рабочие места в Восточной Германии в принципе возможно только в том случае, если там на более или менее длительную перспективу удастся обеспечить определенный минимальный уровень заработной платы. Причем совершенно независимо от того, будут или не будут настаивать на этом представители трудовых коллективов и профсоюзы.

Каким должен быть этот минимальный уровень заработной платы, разумеется, никто изначально не знал. Обращает на себя внимание, что и до настоящего времени в экономике между Западом и Востоком страны продолжает сохраняться значительная разница в уровнях заработной платы. За сравнимую работу и сегодня на Востоке платят не более 70% того, что принято платить на Западе. Таким образом, разрыв в уровнях заработной платы между Западом и Востоком значительно больше, чем между другими регионами внутри Германии (например, между Севером и Югом), но он значительно меньше, чем между Германией (не имеет значения, идет ли речь о Западе или Востоке страны!) и странами Центральной и Восточной Европы.

В принципе это совершенно нормально. В экономической истории до настоящего времени не было прецедентов, когда в промышленно развитой стране с такими же незначительными препятствиями для мобильности населения, как в воссоединившейся Германии, разрыв в уровнях заработной платы мог составлять один к десяти или один к трем. Это относится даже к классическим рыночным экономикам, таким, как, например, Соединенные Штаты. Там на протяжении десятилетий существовала серьезная диспропорция в экономическом развитии между урбанизированным Северо-Востоком и старым аграрным Югом. До сих пор между этими крупными территориальными единицами имеет место достаточно стабильная разница в уровнях оплаты труда. Примечательно, что, случайно или нет, эта разница меняется примерно в том же соотношении, что и настоящая разница

в уровнях заработной платы между немецким Западом и Востоком. Но при этом никогда, несмотря на все структурные проблемы, оплата труда на старом Юге Соединенных Штатов не скатывалась до существенно более низкого уровня Мексики или стран Карибского бассейна. Очевидно, свобода передвижения при низких барьерах мобильности сама заботится об определенном выравнивании уровней оплаты труда между регионами, неравномерно развитыми в промышленном отношении. В США, начиная с Гражданской войны в 19 столетии, такое выравнивание обеспечивала притягательная сила Севера, в Германии после 1990 г. – притягательная сила Запада страны.

Удивительно, что влияние мобильности и ее последствия для воссоединившейся Германии вплоть до сегодняшнего дня не осознаны в их полном объеме. Хотя с точки зрения здравого смысла они вполне понятны. Кто всерьез думает, что квалифицированная рабочая сила настолько мало мобильна, что она в течение длительного времени будет согласна на заработную плату, скажем, на две трети меньшую той, которую она может получить на расстоянии в 200 километров в том же самом языковом и культурном пространстве? Очевидно, что никто. Но если это так, то тогда после 1990 г. у нас ни разу не было реального шанса встать на восточноевропейский путь развития. Раньше или позже он привел бы к колоссальному экономическому обескровливанию.

1.3. Национальная задача

Таким образом, политическая цель с самого начала была четко определена как национальная задача под названием «Возрождение Востока». На Востоке при соблюдении условий рыночной экономики в кратчайшие сроки имелось в виду создать максимально возможное количество рабочих мест, что открыло бы людям перспективы получения стабильной и хорошо оплачиваемой работы. Только так можно было предотвратить угрозу массового оттока населения с Востока.

Эта цель в целом была поддержана политическим истеблишментом и широкой общественностью. То есть эта цель имела абсолютный приоритет. Без учета этого обстоя-

тельства многое из того, что произошло в последующие годы, будет невозможно понять и объяснить. По этой причине с самого начала очень важно осознать, что эта цель по своей сути была на самом деле не экономической, а политической. С чисто экономической точки зрения всегда существовала альтернатива, которую можно сформулировать как «расширение Запада» вместо «возрождения Востока». Осуществление альтернативного варианта предполагало бы массовую миграцию с Востока на Запад. При этом вполне вероятно, что такая массовая миграция в общеэкономическом отношении была бы более дешевым решением. Простой ход мыслей показывает, почему.

Взглянем на экономику Германии с высоты птичьего полета в самом начале 1990-х годов незадолго до падения Берлинской стены перед экономическим и политическим воссоединением. Она состоит из двух совершенно различных частей — из экономики Запада, которая полностью интегрирована в мировое экономическое хозяйство, оснащена современным производственным оборудованием и располагает необходимым знанием рынка, и из экономики Востока с отсталым основным капиталом и изношенной инфраструктурой, а также с продукцией, которую почти невозможно реализовать на рынке. Но при этом с мобильной квалифицированной рабочей силой. Разве с чисто экономической точки зрения не было бы вполне разумно подумать о том, чтобы просто допустить миграцию с Востока на Запад и даже, возможно, оказать ей содействие? Разве в этом случае восточные немцы не смогли бы просто включиться в систему разделения труда, уже существующую на Западе, с ее современными машинами, современными технологиями и современными продуктами? Зачем нужно было на Востоке непременно заново и при больших затратах создавать современную экономику? Разве нельзя было получить желаемые результаты по более низкой цене на Западе?

Тем более что в Германии даже имелся исторический пример совершенно бесконфликтной интеграции немцев, насильственно перемещенных в страну из Центральной и Восточной Европы в 1950-е годы. Тогда речь шла о десяти миллионах немцев при общем населении Западной Герма-

нии примерно 50 млн человек, т.е. о его увеличении на 20%. После 1990 г. это были бы, возможно, 15 млн восточных немцев при населении Западной Германии 64 млн человек, что означает его прирост не более чем на 25%. То есть в процентном отношении население страны увеличилось бы ненамного больше, чем сразу же после окончания Второй мировой войны. При этом новая миграция была бы более продолжительной по времени, чем массовый приезд беженцев с Востока тогда, а новые переселенцы оказались бы в обществе, несравнимо более обеспеченном, чем оно было на полвека раньше. Правда, на это можно возразить, что в 1950-е годы случилось западногерманское экономическое чудо, которое решающим образом облегчило интеграцию насильственно перемещенных граждан. С другой стороны, в этой же связи возникает вопрос о том, не были ли именно переселенцы той квалифицированной и мобильной рабочей силой, благодаря которой западногерманское экономическое чудо только и стало возможным. И разве нельзя было исключить повторения западногерманского экономического чуда после 1990 г. именно благодаря миграции квалифицированной и мобильной рабочей силы с Востока?

Это вопросы, спорить по которым можно до бесконечности. С чисто экономической точки зрения все они имеют смысл. Они отнюдь не праздны. Поскольку нельзя забывать о том, что вместе с этими людьми на Запад страны были бы перенесены их профессиональные навыки и спрос на товары, как это было при миграции послевоенных лет. Да, одновременно уровень заработной платы на Западе стал бы ниже, и увеличились бы цены, по крайней мере временно. Но тем самым возникли бы сильные стимулы для расширения производственных мощностей в Западной Германии: следствием этих процессов был бы бум в строительстве, в сфере инноваций и в деле общей модернизации экономики. Вместо «возрождения Востока» мы имели бы «расширение Запада», т.е. точно так же, как и в 1950-е годы, но только на значительно более высоком уровне благосостояния и технологического развития. Промышленные центры Запада страны в одночасье превратились бы в территорию миграционного притока, как это было после образования Федеративной

республики, а также на определенном этапе существования кайзеровской империи.

Так это могло бы выглядеть. Как уже было сказано, в экономическом отношении такой вариант развития событий был бы вполне допустим. В экономической науке у него даже есть свое название — пассивная санация. Однако, как ни странно, он имеет мало общего с реальной жизнью. В свое время он практически даже не обсуждался. Зададимся вопросом: по какой же причине? Не потому, что экономически он не имел смысла, а потому, что ни с политической, ни с исторической точки зрения он не вписывался в систему сложившихся в то время представлений. Как откровенно циничная, была бы воспринята идея отказа (в экономическом смысле) от почти одной трети территории воссоединившейся Германии с отведением ей роли своего рода постсоциалистического природного заповедника. Региона с полностью забытым славным промышленным прошлым и при его сохранении в качестве туристического биотопа, зеленого рая для пенсионеров и более или менее плодородного края для сельскохозяйственных нужд. Практически никому из участников дискуссий того времени мысль о пассивной санации восточной части страны просто не могла прийти в голову. Хотя и допускалось определенное перераспределение населения на Востоке Германии, в частности его перемещение из сельскохозяйственных областей в городские агломерации или из умирающих старых промышленных районов в новые производственные центры. Так же считалась приемлемой остаточная миграция с Востока на Запад, но не как массовое обезлюдивание в результате оттока большей части квалифицированного и мобильного населения.

Короче говоря, национальный проект однозначно был определен как «возрождение Востока», а не как «расширение Запада». При этом причины такого решения носили в первую очередь исторический и политический, а не экономической характер. Еще живы были воспоминания о том, что до Второй мировой войны Восток страны на самом деле являлся промышленно развитым регионом. Эксперты помнили, что еще в 1936 г. экономический продукт, произведенный на душу населения на территории, ставшей впоследствии

советской оккупационной зоной, а затем ГДР, на 20% превосходил аналогичный показатель в французской или американской оккупационной зоне в Южной и Юго-Западной Германии и был всего лишь на 10% меньше этого показателя в британской оккупационной зоне с такими мощными в то время индустриальными центрами в Рейнско-Рурской области². Широкой общественности хотя и не были известны точные цифры, но общее представление на этот счет она тем не менее имела. Во всяком случае, значительная часть Средней Германии, т.е. Саксония, Тюрингия и южная половина Саксонии-Анхальт, а также Большой Берлин, совершенно очевидно подпадали под категорию традиционных промышленных центров. И только Мекленбург – Передняя Померания, части Бранденбурга и Северной Саксонии-Анхальт носили ярко выраженный характер сельской местности, но в этом отношении они были похожи на обширные районы Северо-Германской низменности в Шлезвиг-Гольштейне и Нижней Саксонии. Другими словами, налицо были все параллели с Западом страны. Именно этот факт оказал решающее влияние на исход политической дискуссии и на содержание принятых в ее результате мер, вплоть до установления западногерманскими землями шефства в основном над соседними восточногерманскими.

«Во входе волен я, а выходить обязан там, где вошел», – говорит Мефистофель в «Фаусте» Гёте. Эти слова как никакие другие подходят для описания «возрождения Востока» как национальной задачи. После принятия решения в пользу «возрождения Востока» многие из последующих наиболее значимых политических мер уже были продиктованы неумолимой логикой. Нам предстоит увидеть, как и почему это происходило.

УКАЗАТЕЛЬ*

- А**втомобилестроительная промышленность 12, 215
– сравнимость 9
- А**мортизационные отчисления специального назначения 92 f., 108
- А**нгальтский театр 248
- А**ргентина 28
- Б**аден-Вюртемберг 221 f.
«Базовое обеспечение» 119
- Б**анковское дело 128 f., 132, 134 f., 138
- Б**артмер, Карл-Альбрехт 81
- Б**арьеры 16 ff.
- Б**аухаус, высшая школа строительства и художественного конструирования 248 f.
- Б**езработица 41, 105, 119, 154
– ГДР 112
- Б**ерлин 138 f., 171 ff.
- Б**исмарк, Отто фон 85
- Б**иттерфельд-Вольфен 168 f., 233, 240
- Б**люм, Норберт 111, 115
- Б**рандт, Вилли 37
- Б**ундесбанк 26 ff., 32 f., 39 f., 187
- Б**урый уголь 168
- Б**юджетная консолидация
- В**айгель, Тео 115
- В**айль, Курт 249
- В**аловый внутренний продукт 114, 117, 122, 184 f., 199, 201, 203, 205
- В**алютная реформа (1923) 8
- В**алютная реформа (1948) 6, 8, 42, 92
- В**алютное управление 28, 32
- В**алютный союз 25–44, 135
– интеллигенция 36 f.
– обменный курс 33 f., 39 f., 43
– основные параметры обмена валюты 26
- В**ассерталь, Эрих 176 f.
- В**енгрия 197–203, 216
- В**нутренний рынок 99–109
- В**оверайт, Клаус 172
- «Возвращенцы»** 78, 80
- В**озрождение Востока 7
– «генеральный план» 241 f.
– издержки и достижения 181–207
– против «расширения Запада» 20, 22 f.
- В**осток и Запад, разница между уровнями заработной платы на 17 ff., 54, 196
- В**осток и Запад, разрыв между 1 f.
- В**осток и Запад, сравнения между 1 f.
– заработная плата 151, 153
– пенсии 112 f.
– производительность экономики 2, 10
– сельское хозяйство 79, 82
- В**торая мировая война 4, 7
- Г**ДР
– безработица 112
– пенсионное обеспечение 111
– центральный банк 28, 31 ff.

* В указателе сохранены номера страниц по немецкому оригиналу; начало страницы по немецкому оригиналу указано на внешних полях под чертой.

- Геншер, Ганс-Дитрих 37
Германское аграрное общество
81
Гёте, Иоганн Вольфганг 23
Глобализация 127, 224, 226 f.,
230
Государственное потребление
246 f., 250
Грасс, Гюнтер 36 f., 207, 229,
237
Гропиус, Вальтер 249
- Д**
Дерегулирование 90
Дессау 248 f.
Дефицит баланса текущих опе-
раций
Джордж, Акерлоф 206
Добывающая промышленность
60
Доверие 27, 134 f.
Доля экспортной продукции
159 f., 164, 170
Дополнительные федеральные
субвенции 188, 190
Дополнительные федеральные
трансферты на цели удовлет-
ворения особых потребностей
(SoBEZ) 189, 244 f.
Досрочный выход на пенсию
116, 118
Досрочный выход на пенсию
116, 118
Достигнутый уровень
занятости 47
Дотации 87, 95 f., 108, 122
Доходы маятниковых мигрантов
183, 185
- Е**
Еврейское население 107,
139
Европейская Программа
Восстановления (ЕРП)
Европейский фонд регионально-
го развития 92 ff.
- З**
Забастовка 152
Задолженность 244, 250, 252
Закон о содействии занятости
116
Закон об адаптации системы
пенсионного обеспечения
(1991) 111, 115
Закон об имуществе (1990) 71 f.
Закон об устранении препят-
ствий для инвестиционной
деятельности (1992) 73 ff.
Закон об устранении препят-
ствий для инвестиционной
деятельности (1991) 73
Заработная плата, уровень на
Востоке 43, 51, 53 ff., 206
– обрабатывающая промыш-
ленность 148, 151, 153 f.,
202 ff.
Заработной плата, «вилка» 196
Земельная реформа 77
Земельный банк Баварии 104
Земельный банк Саксонии 104
Зинн, Герлинде 70
Зинн, Ханс-Вернер 53, 64, 70
Знания 5, 214 ff., 225, 227
– технические 9, 56 f., 156 ff.,
209 f., 212, 220
– управленческие 90
- И**
Изгнанные 21
Изоляция 8, 10, 14
Имущество, конфискованное
в период с 1945 по 1949 год
(советская зона оккупации)
71 ff., 77, 83 f.
Инвестиции 92, 121, 250 ff.
– меры поощрения инвести-
ций 91–98, 157
– государственные 87 ff., 91,
245 f., 251
– частные 87, 91
Инвестиционная надбавка 92 ff.,
136, 190

- Инновационный потенциал 14,
 169 f., 216 ff., 220 ff., 227, 229 ff.,
 234 ff., 252, 256
 Институт мировой экономики,
 Киль 98
 Институт по исследованию рын-
 ка труда и профессий 160
 Институт экономический иссле-
 дований 53
 Институт экономических иссле-
 дований, Галле 98
 Интеллигенция 36 f., 207, 212,
 229, 237
 Инфляция 39 f.
 Инфраструктура 89, 102, 139,
 179, 232 f., 235
 Иоанниты 84

Катте, Кристоф фон 84
 Качество рабочей силы 156 ff.
 Квалифицированные
 сотрудники 56 f.
 Квота покрытия бюджетных
 расходов за счет налогов 251
 Кластер 170 f., 178, 240
 Колл-центры 136
 Коль, Гельмут 7, 25, 37 f., 96,
 146, 167, 182
 Конвертируемость,
 ограничение конвертируе-
 мости 30
 Конкуренция 5
 Коррупция 60
 Кошиг, Клеменс 249
 «Красная шапочка», производ-
 ство шампанский вин 58 f.
 «Кремниевая Саксония» 169,
 233
 Кругман, Пол 226
 Культурная деятельность 130 f.

Леверкен, Андреас 218
Леверкен, Ренате 218
Лейпциг 138 ff.
 – кварталы домов вдоль улицы
 Вальдштрассе 107
 – книжная ярмарка 140 f.
 – ярмарка 139 ff.
 Лейпцигская ярмарка промыш-
 ленных образцов завтрашнего
 дня 140

Магдебургское заявление (1992)
 73 f.
Марон, Моника 37
Мезьер, Лотар де 25
Меллер, Харальд 130 f.
 Меры по обеспечению так назы-
 ваемой случайной занятости
 119
 Меры по трудоустройству граж-
 дан 116, 118 f., 238
 Миграция 16–22, 34 f., 105, 154,
 191 f., 194 f., 202
 Минимальная заработная плата
 238
 Мировой финансовый кризис
 28, 104, 138, 169, 243
 Мировой экономический кризис
 (1930-1932) 213
Миттеран Франсуа 96
Модров, Ханс 25
Мюллер, Уве 146

«Надбавочники» 238 f.
 Народная палата 15
 – выборы (1990) 25, 39
 Народное предприятие
 «Красная шапочка» 58
 Народное предприятие
 Elektroantriebe 60
 Народное предприятие
 Leuna-Werke им. Вальтера
 Ульбрихта 96
 Народное предприятие
 Wärmelanlagebau, Берлин 66
 Народное предприятие имени
 7 Октября, производство

- подъемно-транспортного оборудования 62
 Народные банки 135
 Научные исследования и разработки 158 ff., 167, 170, 178, 216, 220, 232, 234
 Научные учреждения 232 ff.
 Научный совет при федеральном министерстве экономики 27, 72 f., 98
 Национал-социализм 4, 8
 Национальный счет 70, 183
 Небесный диск из Небры 130 f.
 Небра 130 f.
 Недвижимость 102 ff., 108 f.
 – доходность 103 f.
 – неиспользуемые площади и объекты 102
 – стоимость 102
 Немецкий бундестаг 89, 108, 172
 – парламентский комитет по расследованию «Имущество ГДР» 66
 Немецкий институт экономических исследований, Берлин 98, 150
 Немецкое научное общество 130
 Неоколониализм 36 f., 207
 Неполная занятость 116 f.
 Неполная рабочая неделя 41, 118
 Нефтяная промышленность 162
 Новая экономическая география 226
- Общественные услуги** 89 f., 247
 Оптимального валютного пространства теория 34
 Оптимальное валютное пространство 34
 Оптовая торговля 128 f.
 Ориентированность на экспорт 158 f., 167, 170, 183
 Основное право на свободу передвижения 16
- Основной капитал-брутто 157
 Основной капитал-нетто 157
 Остерведдинген 176 f.
 Отраслевая структура 162, 166 f.
- Пакет транспортных проектов «Немецкое единство»** 89
 Пакт солидарности I 187 f.
 Пакт солидарности II 188, 243–247
 Панельное домостроение 76, 106
 Параллельный мир продуктов 9 ff., 14, 158
 Паритет покупательной способности 40
 Пассивная санация 22
 – до приватизации 45 f.
 Пенсионное страхование 111 f., 114 f., 117, 185
 Пенсионный балл 112
 Пенсионный страховой фонд 115
 Перерабатывающая промышленность 23, 82, 124 ff., 135 ff., 142–161, 164, 243
 – валовый внутренний продукт 201, 203
 – государственное стимулирование 234, 239
 – количество занятых 142 ff., 165
 – производительность труда 146 f., 149, 155 ff.
 – производство 41, 142, 166
 – рост 145
 – создание стоимости 41, 142 ff., 146, 148, 202
 – структура 162, 166 f., 240 f.
 – уровень заработной платы 148, 202 ff.
 – эволюционная стратегия 201 f.
- Переселение. См. Миграция
 Пессимизм 125, 181 f.

- Петерман, Лутц 63
Петерман, Лотар 63
Пивоваренное производство 56 f.
Пищевая промышленность 60
Плановая экономика 5 f., 14, 42, 44, 106, 122, 137, 208 ff., 212 ff., 217, 227 ff.
Площади офисных помещений 102
Повышение профессиональной квалификации 116, 118
Поддержка безработных 111, 115 ff.
Подъемно-транспортное оборудование 62 f.
Полупроводники 169
Польша 180, 197–203, 216
Попечительский приватизационный совет 44–71, 74, 95, 122, 228
– дефицит 48 f., 55, 60, 66, 70
– долги 187
– легенды 69
– персонал 67 f.
– против профсоюзов 52
– руководители 61
– «трудоустройственный баланс» 46 f.
– сельскохозяйственные угодья 78
– тарифные договора 52, 54 f., 148 ff., 152
Портовые города 129
Пособие по безработице 116, 119
Пособие по безработице, выплачиваемое в соответствии с законом Hartz IV в целях обеспечения минимального прожиточного уровня граждан, не имеющих работы 239
Пособие по неполной занятости 116
Постоянная клиентура 56 f., 60 f.
Посылочная торговля 136
Предпринимательство
– активы 56
– основные производственные фонды 50 f., 55
– парк машинного оборудования 50 f.
– старые долги 49 f.
Приватизация 44–71, 95
– до санации 45 f.
– непрозрачность 48
– отношения собственности 74
– преступность 65 f.
– процедура приватизации 48
– сокращение персонала 48, 67
– темпы 64 f.
– уровень заработной платы 53 ff.
Продажа предприятия его бывшим, как правило, руководящим сотрудникам 47, 58, 62
Продукция
– качество 56 f.
– пользующаяся спросом на мировом рынке 8, 10–15
– рыночная стоимость 11
– цены мирового рынка 33 f.
Производительность труда 1 f., 10, 124, 149, 197
– федеральные земли 163 ff., 173
– сельское хозяйство 79, 82
– Центральная/Восточная Европа 197 ff.
– обрабатывающая промышленность 146 f., 149, 155 ff., 161
– региональные различия 162 f.
Производство 184
– капиталоемкое 98 f.
– обрабатывающая промышленность 41, 142, 166
– стоимость 121
Производство инвестиционных товаров

- Промышленность. См. Обрабатывающая промышленность
 Промышленные отрасли, занятые производством потребительских товаров 60
 Профсоюз металлистов 52, 152 f.
 Профсоюзы 18, 52 f., 55, 124, 151 ff.
 Прямые издержки по оплате труда 148, 151
 Прямые инвестиции 198, 215 ff., 220, 223, 225, 234, 243
 Пюклер, князь 255
 Пять мудрецов 31
- «Работа за один евро»** 119, 238
 Рабочее время 147
 Райффайзен, банковская группа 135
 Расходы государственного бюджета 121, 183
 «Расширение Запада» 20, 22 f., 191
 Региональные полюсы роста 161–180
 Реновация 106 f.
 Реституция без компенсации 71, 73, 75 f.
 Ресурсы 182 ff.
 Роведдер, Детлеф Карстен 49
 Рурская область 221 f.
 Рынок труда 151
 Рыночная экономика 5, 7, 42, 44, 121–142, 211 f., 228
 Рыночные знания 5, 13
- Сальдо текущих операций** 183 f.
 Сберегательные кассы 135
 Свобода ассоциаций 151
 Свободное плавание валюты 30
 Северный Рейн-Вестфалия 221 f.
 Сектор низкооплачиваемого труда 238 f.
 Сельское хозяйство 78–83
- полезная площадь 78
 – производительность труда 79, 82
 – развитие 79
 Сельскохозяйственные производственные товарищества 78, 80
 Сеть поставщиков 56 f.
 Система торгово-промышленных палат 124
 Система финансового выравнивания на земельном уровне 187 ff., 244
 Словакия 197–203, 216
 Словения 197–203, 216
 Снижение бюрократических издержек 90 f.
 Снижение налогового бремени 87, 92
 Собственность 71–85
 – общеэкономический ущерб 75
 – приватизация 74
 Совет экономической взаимопомощи (СЭВ) 61, 213
 Совместная программа улучшения региональной экономической структуры 92 ff., 190, 234 f.
 Совокупный капитал 70, 74, 99, 126, 156 f.
 Создание стоимости 69 f., 122, 124 f.
 – обрабатывающая промышленность 41, 142 ff., 146, 148, 202
 – федеральные земли 163 ff.
 – строительство 101, 103
 «Солнечная долина» 168 f., 233
 Солоу, Роберт 212
 «Сообщения о достигнутом прогрессе» 126
 Соперничество территорий в деле создания наилучших условий для промышленно-

- го развития 132 f., 224, 226 f., 236 f., 241 f., 251
- Социализм, тотальный ущерб 8, 15, 113, 208–231
- Социальное государство 110–120
- Социальный кодекс, часть II 238
- Социальный союз 26, 110, 115, 117
- Союзы работодателей 54, 124, 150 f., 153 f.
- Спрос, общеэкономический 120
- Среднегерманское радио 254
- Средняя Германия 254 f.
- Стимулирование экономики 87–99
- Страховые компании 128 f., 133 ff., 138
- Строительная промышленность 99–109, 123 f., 144, 164
- количество занятых 100, 102
 - развитие 103
 - создание стоимости 101, 103
- Судостроительная промышленность
- США
- разница в уровнях заработной платы 19
 - разница в уровнях производительности 161
- Т**арифный договор 52, 54 f., 148–154, 236, 238
- Теория производства 155 f.
- Территориальный тарифный договор 52, 55, 150, 153, 236
- Техника без предпринимательства 208 ff., 213 f., 229
- Технологические и грюндерские центры (ТГЦ) 233
- Товарный бренд 56 f., 60 f.
- Товары, пользующиеся спросом 127
- Торговля с восточноевропейскими странами
- Транспортная инфраструктура 89, 179
- Трансфер технологий 156
- Трансферты 110, 114, 117, 121 f., 124, 181, 185 f., 188, 250
- Трансформация восточногерманской экономики 6, 44, 68, 166
- Трудовой активности уровень 145, 147
- Трудовые издержки 151
- Туризм 128 ff.
- У**правленческие знания 90
- Уровень безработицы 117, 145, 147
- Услуги 45, 123 f., 126, 132–139, 164
- межрегиональные 135 ff.
 - пользующиеся спросом 127 ff.
- Ф**едеральное агентство окружающей среды 249
- Федеральное ведомство по вопросам труда 116 f.
- Федеральное ведомство по специальным вопросам воссоединения 47
- Федеральное министерство труда и социальных вопросов 111
- Федеральное министерство финансов 39
- Федеральное министерство экономики 27, 72, 98
- Федеральные земли
- пересмотр структуры федеральных земель 253 f., 256
 - производительность труда 163 ff., 173
 - реформа федерализма 252
 - создание стоимости 163 ff.
 - структура промышленности 162, 166 f.
 - уровень производительности 165

- Федеральный конституционный суд 77
- Фельзенштейн, Вальтер 248
- Фельзенштейн, Йоганн 248
- Финансовая политика 231, 243–247, 250 ff.
- Финансовый федерализм 244, 256
- Финансы 128 f., 133, 157 f.
- Фонд Немецкое единство 187, 190
- Фонд погашения кредитов 187
- Фонд погашения унаследованного бремени 50, 187 f., 190
- Фотовольтаика 168 f., 233, 240
- Франц, князь 255
- Фридман, Томас 226
- Хайзе, Гюнтер** 58 f.
- Хальберштедские колбаски 60
- Хассемер, Фолькер 173
- Хафельберг 218
- Химическая промышленность 96 f., 99, 162, 167 ff.
- Центральный банк (ГДР)** 28, 31 ff.
- Частное потребление** 244 ff., 250, 252
- Четвертый закон о предоставлении современных услуг на рынке труда («Hartz IV») 119 f., 238, 250
- Чехия 197–206, 215 f.
- Чехословакия 9
- Шальк-Голодковский, Александр** 131
- Шампанское 58 f.
- Шмидт, Гельмут 43, 181
- Штраус, Рихард 248
- Штреземан, Густав 3, 8
- Шуберт, Хельга 37
- Шумпетер, Йозеф 211
- Шухт, Клаус 121
- «Экономика автобанов» 174 f., 178 ff., 193
- Экономическая наука 34, 53, 90, 98, 126, 148, 211 f., 241
- Экономическая политика 231–243, 251
- Экономически активное население 144
- включенное в систему обязательного социального страхования 145
- строительная промышленность 100, 102
- Экономические рамочные условия
- Экономический и валютный союз (1990) 6, 26
- Экономический рост 127, 211 f.
- Экономического роста теория 212
- Экспедиторы 128 f.
- Экспертный совет по вопросам общеэкономического развития 31, 33, 35, 98, 126
- Электротехническая промышленность 209
- Эрхард, Людвиг 8, 42
- Эстония 28
- ЮНЕСКО** 248 f.
- Юнкерс, Хуго 249
- Юнкеры (помещики) 84 f.
- Якорная валюта, привязка к якорной валюте** 30 ff.
- Agfa, компания** 168
- Aufbau Verlag, издательство 66
- Auto Mobil International, лейпцигская выставка автомобилестроения 140

- BASF**, химический концерн 96
Bitburger Getränkegruppe, группа компаний по производству безалкогольных и алкогольных напитков 56
Body Look, выставка дамского белья 141
Vupa, химический комбинат 60
- Dacia**, торговая марка 215
Deutsche Bahn, железнодорожная компания 133, 138 f.
Deutsche Bank, банк 132
Deutsche Beteiligungsgesellschaft (DBG) (Немецкое акционерное общество) 62
Deutsche Post AG 139, 176
Deutsche Waggonbau (Немецкий вагоностроительный завод) 60
DHL, служба экспресс-доставки 129, 176
Dow Chemical, концерн
- Edeka Logistics**, логистическая компания 176
Eko Stahl, завод 60
Elf Aquitaine, концерн 96
- FAM Magdeburg**, компания 62 f.
- «**Games Convention**», выставка компьютерных игр 141
Geldermann 58
Gilde Brauerei Hannover, пивоваренный завод 56
GmbH Halle, мошенническая фирма 66
Gröditzter Stahlwerke, сталелитейный завод 60
- Halloren**, шоколадная фабрика 60
Hasseröder, пивоваренный завод 56 f.
Nexion, концерн 96
- Holsten AG**, пивоваренная компания 57
- I. G. Farben**, химический концерн 96
Infraluna, промышленный парк 96
- Kartogroup**, компания 96
Kiebitzberg Gruppe, компания 219
Kloss & Foerster, шипучее вино 59
Köstritzer Schwarzer, пивоваренный завод 56
- Leuna**, химический комбинат 60, 96 f.
Lübzer, пивоваренный завод 56
- Mansfelder Kupfer und Messing**, медеплавильный завод 60
MM extra, предприятие 58
M-O-W, машиностроительная компания 176
Mumm, компания 58
- Nice Pak**, производство влажных салфеток 176
Nokia, компания 97
- Oetker**, группа компаний 58
«**Online Games Convention**», выставка компьютерных игр 141
Opel, автомобильная компания 12 f.
Ogwo, производитель кино- и фотопленки 168
- Peugeot** 215
- Q-Cells**, компания 168 f.
Quinn Chemicals, компания 96

Radeberger Brauerei,
пивоваренный завод 56 f.
Renault 215

Sächsische Olefinwerke, завод 60
Salutas, фармацевтическая
компания 176
Siemens 232
СКЕТ, завод тяжелого
машиностроения 60

Škoda 215
Sovello, компания 168 f.

ТАКРАФ, завод подъемно-
транспортного оборудования
62
Taminco, концерн 96
Total, концерн 96

Volkswagen 12 f., 215

Книги издательств
«Социум», ИРИСЭН и «Мысль»
можно купить в интернет-магазине
sotsium.ru

КАРЛ-ХАЙНЦ ПАКЕ

БАЛАНС

ЭКОНОМИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ
ПРОЕКТА «НЕМЕЦКОЕ ЕДИНСТВО»

Подписано в печать 18.04.2018. Формат 60x90/16
Объем 20,44 п. л.

Издательство «Мысль»
тел. (495) 330-51-98

Райнер ХАНК
СЛЕВА, ГДЕ БЬЕТСЯ СЕРДЦЕ
Инвентаризация одной политической идеи
(М.: Мысль, 2018. 238 с.)

Что означает сегодня быть левым? До сих пор под понятием «левый» подразумевается «справедливый», «экологичный», «социальный». Каждый хочет быть таким, но каков он на самом деле? Райнер Ханк рассказывает свою собственную «левую» историю и «левую» историю своего поколения, сопоставляя ее с затишьем настоящего времени. При этом он проводит запоздалую инвентаризацию влиятельной политической идеи.

Как пишет автор в предисловии: «О чем эта книга? О том, на чем были основаны наши политические убеждения? Как мы оценивали их? Как возникла наша “левая” картина мира? Когда в ней появились первые трещины? И когда я стал либералом?»

Гётц АЛИ
НАША БОРЬБА
1968 год: оглядываясь с недоумением
(М.: Мысль, 2018. 272 с.)

В 1968 г. Гётц Али был активным борцом в Западном Берлине. Как свидетель тех событий и историк, он показывает, что 68-й был ближе их отцам, чем им этого хотелось бы сегодня. Сегодня в «движении» он видит ответвление тоталитаризма с определенной близостью национал-социализму. Взгляд в прошлое автора неоднозначен и тем важнее, потому что он далек от ренегатства и последующего приукрашивания. Автор анализирует документы федеральных министерств и воспоминания людей о событиях 1968 года.

Гётц Али родился в Гейдельберге, в 1968 г. закончил в Мюнхене Немецкую школу журналистики. С декабря 1968 до конца 1971 г. изучал в Западном Берлине политические науки и историю, был активным участником студенческих волнений. С 1971 г. работал в различных изданиях, пишет книги о национал-социализме.